

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ
ТРЕТИЙ ГОД

360-е заседание • 28 сентября 1948 года

№ 112

СОДЕРЖАНИЕ

Триста шестидесятое заседание

	Стр.
1. Предварительная повестка дня	1
2. Представительство Совета Безопасности на похоро- нах графа Бернадотта	1
3. Утверждение повестки дня	1
4. Сообщения, полученные Советом Безопасности от правительства Хайдарабада	2
5. Условия, на которых государство, участвующее в Статуте Международного Суда, но не входящее в со- став Организации Объединенных Наций, может уча- ствовать в избрании членов Суда	12

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Без-
опасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в
ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

*Все документы Организации Объединенных Наций обо-
значаются условными знаками, состоящими из заглавных букв
и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте,
он означает ссылку на один из документов Организации Объ-
единенных Наций.*

ТРИСТА ШЕСТИДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 28 сентября 1948 года, 3 ч. дня
Палэ де Шайо, Париж.

Председатель: Сэр Александр КАДОГАН
(Соединенное Королевство).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

1. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 360)

1. Утверждение повестки дня.
2. Сообщения, полученные Советом Безопасности от правительства Хайдарабада (S/986, S/998, S/1000 и S/1011).
3. Вопрос об участии Швейцарии в Международном Суде (S/947 и S/969).
4. Телеграмма от 22 сентября 1948 года от министра иностранных дел Народной Республики Болгарии на имя Генерального Секретаря по вопросу о принятии в члены Организации Объединенных Наций (S/1012).

2. Представительство Совета Безопасности на похоронах графа Бернадотта

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Прежде чем перейти к работе сегодняшнего дня, я должен сообщить Совету Безопасности, что согласно принятой недавно резолюции [358-е заседание] Генеральный Секретарь и я были в Стокгольме, чтобы присутствовать в качестве представителей Совета Безопасности на похоронах графа Бернадотта, состоявшихся в прошлое воскресенье. Я полагаю, что Швеция должным образом оценила намерения Совета Безопасности. Как Генерального Секретаря, так и меня просили передать выражения признательности за присутствие представителей Совета на похоронах графа Бернадотта. Мы были приняты графиней Бернадотт, которая просила меня поблагодарить моих коллег за то, что они сделали, и сказать им, как глубоко она тронута этим проявлением сочувствия и тем, как мы почтили память ее супруга. Сегодня от премьер-министра Швеции я получил телеграмму следующего содержания:

«Прошу Вас принять и передать Совету Безопасности мою сердечную благодарность и признательность за Ваше любезное послание, выражающее соболезнование по поводу трагической смерти графа Бернадотта».

3. Утверждение повестки дня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я хотел бы добавить, что незадолго до начала заседания со мной беседовал парижский посланник Болгарии, который сообщил мне, что его правительство поручило ему обратиться с просьбой к Совету о том, чтобы пункт 4 сегодняшней повестки дня, касающийся заявления болгарского правительства о принятии Болгарии в члены Организации Объединенных Наций, был временно снят с повестки и отложен на несколько дней, с тем чтобы он мог быть рассмотрен на одном из заседаний на будущей неделе. Поэтому, если Совет Безопасности согласен, на сегодняшней повестке дня остаются всего лишь два пункта: вопрос о Хайдарабаде и участие Швейцарии в Международном Суде.

Если не будет никаких замечаний или возражений, я буду считать, что Совет Безопасности утверждает повестку дня, за исключением пункта 4.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (говорит по-французски): Я хотел сказать несколько слов по поводу текста пункта 3 предварительной повестки дня; пункт этот включен по инициативе бельгийской делегации, согласно ее письму от 12 августа [S/969] на имя Председателя Совета Безопасности.

Предложение бельгийской делегации имеет общий характер; оно не ограничивается Швейцарией, как это можно было заключить из теперешнего текста предварительной повестки дня.

Поэтому я предлагаю исправить этот текст и представить вопрос в следующих выражениях, которые, впрочем, вполне совпадают с редакцией статьи 4 пункта 3 Статута Международного Суда:

«Условия, на которых государство, участвующее в настоящем Статуте, но не входящее в состав Организации Объединенных Наций, может участвовать в избрании членов Суда».

Я признаю, что этот текст длиннее, но он имеет то преимущество, что он более точен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я думаю, что Совет Безопасности согласится с тем, что редакция, предложенная представителем Бельгии, несомненно, более точно определяет этот вопрос. Так как возражений нет, я считаю, что предложенный текст принимается.

Повестка дня утверждается, с внесенными в ней поправками.

4. Сообщения, полученные Советом Безопасности от правительства Хайдабада (S/986, S/998, S/1000 и S/1011).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Члены Совета Безопасности получают некоторые документы, а именно — S/1011 и S/1015, касающиеся этого вопроса. Документ S/1011 содержит текст телеграммы, адресованной Генеральному Секретарю Низамом Хайдабада; в этой телеграмме он приводит текст письма, посланного им в тот же день Генеральному Секретарю. Сегодня утром Генеральный Секретарь получил это письмо, и оно точно совпадает с текстом, приведенным в телеграмме Низама в документе S/1011. Документ S/1015 представляет собой ноту главы хайдабадской делегации, представитель которой присутствовал на наших предыдущих заседаниях.

Из этих документов Совет Безопасности увидит, что теперь можно сомневаться в том, что я назвал бы действительностью полномочий представителей Хайдабада. В нормальном случае, прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса, я пригласил бы, с согласия Совета Безопасности, представителей обеих сторон занять места за нашим столом. Но ввиду сомнений относительно полномочий представителей Хайдабада, прежде чем это сделать, я хотел бы просить Совет Безопасности обсудить это обстоятельство и спросить членов Совета, думают ли они, что при создавшемся положении представитель Хайдабада должен быть приглашен принять участие в обсуждении вопроса в том же порядке и на тех же условиях, как это делалось раньше при дискуссиях по этому вопросу.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я полагаю, что согласно статье 32 Устава, приглашение обеих заинтересованных сторон является необходимым условием для обсуждения этого вопроса; статья эта гласит:

«Любой член Организации, который не состоит членом Совета Безопасности, или любое государство, не состоящее членом Организации, если они являются сторонами в споре, рассматриваемом Советом Безопасности, приглашаются принять участие...»

«Приглашаются принять участие» означает, что приглашение это является условием для обсуждения вопроса. Насколько я понимаю замечание Председателя, если полномочия одной из этих сторон не соответствуют правилам, Совет Безопасности, я думаю, должен предложить правительству Хайдабада прислать должным образом аккредитованных представителей, с тем чтобы они могли быть допущены на наши заседания. Обе стороны должны быть приглашены и должны присутствовать при всех дискуссиях, с тем чтобы мы могли выслушать то, что они могут сказать как относительно документов, так и относительно любых других вопросов, которые они пожелают довести до сведения Совета Безопасности.

Кроме того, я должен, к сожалению, сказать, что я лично не видел тех полномочий, в которых Председатель сомневается. Я не знаю, почему в них сомневаются, и вообще ничего не знаю по этому поводу: я их не видел. Они мне не были представлены. Может быть. Секретариат сообщает Совету Безопасности и, в частности, членам, не присутствовавшим на последнем заседании,

почему эти полномочия признаются сомнительными.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я вполне соглашаюсь с представителем Сирии, что обе стороны в споре должны быть приглашены и выслушаны, независимо от того, являются ли они членами Организации Объединенных Наций или нет. Не только я, но и Совет придерживается такого мнения, ибо последний раз, при обсуждении этого вопроса, представитель государства Хайдабада был приглашен к столу Совета и принимал участие в прениях. Но затруднение, с которым мы теперь сталкиваемся состоит в том, что глава этого государства — как представитель Сирии увидит из документа S/1011 — заявил, — и он это повторил в полученном сегодня письме за его собственной подписью, — что он приказал своему здешнему представителю снять вопрос о Хайдабаде с повестки дня Совета Безопасности. Он, кроме того, говорит:

«Я добавлю для Вашего сведения, что 17 сентября 1948 года члены министерства, по инициативе которых была подана эта жалоба, вышли в отставку и я лично взял на себя управление своим государством. Делегация, посланная в Совет Безопасности по инициативе указанного министерства, утратила теперь свои полномочия представлять меня и мое государство» (S/1011).

Эти факты бросают тень сомнения на действительность полномочий представителя Хайдабада.

Я хотел бы услышать мнения других представителей по этому вопросу.

ЦЗЯН Тин-фу (Китай) (*говорит по-английски*): Что бы мы ни решили относительно этого пункта повестки дня, моя делегация не сомневается, что мы не должны приглашать делегацию Хайдабада к столу Совета Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Придерживается кто-либо противоположного мнения?

Р. УРДАНЕТА-АРБЕЛАЕС (Колумбия) (*говорит по-испански*): Колумбийская делегация сожалеет, что она не может разделить точку зрения представителя Китая. Совет Безопасности уже приступил к рассмотрению этого вопроса, и представители обеих сторон были приглашены; иными словами, Совет признал, что представители обеих сторон могут присутствовать. Затем произошли некоторые события в Хайдабаде, изменившие ситуацию, но не изменившие юридического аспекта этого вопроса.

Поэтому, я не вижу, почему Совет должен изменить свое заключение, к которому он пришел при первом рассмотрении вопроса, и не думаю, чтобы мы могли изменить наше решение относительно представительства обеих сторон.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): В конце каблогаммы от Низама Хайдабада [S/1011] указано, что находящиеся здесь представители Хайдабада больше не являются представителями Низама и его государства. Я полагаю, что если установлена подлинность источника этой каблогаммы, то она может быть использована в подкрепление мнения, выраженного представителем Китая.

Однако, я не считаю, что Совет Безопасности должен базировать свои резолюции на каблогаммах, которые, по нашему мнению, могут исходить из сомнительных источников.

У нас есть другое письмо, касающееся обстоятельств и обстановки, которыми определяется положение в Хайдарабаде. На заседаниях Совета Безопасности мы всегда старались основывать наши суждения и дискуссии на подлинных документах, исходящих из источников, уполномоченных Советом Безопасности давать информацию или инструкции. В данном случае у нас возникают сомнения, и я думаю, что было бы целесообразным спешить с рассмотрением этого вопроса и считать, что имеющиеся у нас сообщения подлинны и действительны.

- * Мы не знаем ни об обстоятельствах, ни об условиях, которыми определяется положение в Хайдарабаде. По этой причине, чтобы быть уверенным в правильности данного нам описания положения, Совету Безопасности следовало бы найти какой-либо источник информации в Хайдарабаде, который мог бы представлять ему точную информацию и быть ответственным перед Советом Безопасности. Действуя таким образом, Совет Безопасности мог бы удостовериться в том, что ситуация действительно такова, как она была описана, и что Низам Хайдарабада решил поддержать этих людей и действительно сделал то, что, как говорят, он будто бы сделал. Представитель Хайдарабада прислал письмо, объясняющее многое, но я не думаю, что было бы правильно, если бы Совет Безопасности снял этот вопрос, не произведя расследования с целью точного установления фактов. Никакой спешки нет и для нас было бы правильнее произвести некоторое расследование этого вопроса.

Мы могли бы поручить какому-либо представителю в Хайдарабаде взять на себя функции наблюдателя или что-нибудь в этом роде, с тем чтобы он мог сноситься с Советом Безопасности. Например, мы могли бы выбрать представителя одного из государств, представленных в Совете Безопасности, для дачи нам информации, собранной на месте. Зачем нам спешить с этим вопросом, не имея подлинной и убедительной информации по этому вопросу? В случае сомнения, мы должны стараться рассеять это сомнение.

Х. АРСЕ (Аргентина) (говорит по-испански): Как членам Совета Безопасности, нам трудно было бы избежать строгого выполнения обязательств, возложенных на нас статьей 24 Устава.

Правда, выполняя наши обязанности, мы прежде всего преследуем интересы наших собственных стран, но в некоторых случаях мы представляем всю Организацию Объединенных Наций. Статья 24 совершенно ясно говорит:

«Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций, ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что... Совет Безопасности действует от их имени...», и каждый член действует не от имени своей собственной страны, но как представитель общих интересов Объединенных Наций «...от их имени, при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности».

Однако, если мы оставим в стороне главу о Совете Безопасности и заглянем в главу 1 и если мы посмотрим даже поверхностно на те цели и принципы, которые привели к созданию нашей Организации, мы обнаружим, что пункт 4 статьи 2 предусматривает, что «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в

их международных отношениях от угрозы силы или ее применения как против территориальной неприкосновенности, или политической независимости любого государства», (будь ли то член Организации Объединенных Наций или нет) «так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций».

Дело в том, что я не понимаю, почему мы должны прятать наши головы в песок. Мы все знаем, что случилось. Представитель Индии изложил нам факты на предыдущих заседаниях Совета [357-е и 359-е заседания]. Представители индийского правительства сделали заявление для прессы, и представитель Индии также коснулся этого вопроса в своей речи перед Генеральной Ассамблеей¹.

Признание вины делает доказательства излишними: это юридическая аксиома. Нет необходимости искать дальнейших фактов или производить расследование. Я не стал бы вовсе возражать против предложения представителя Сирии, если бы целью этого предложения было проверить что-либо; но так как представители Индии заявляли на заседаниях Совета и в других местах, что Индия вторглась в Хайдарабад по той или другой причине, и так как мы знаем, что правительство Индии объявило военное положение в Хайдарабаде и взяло на себя гражданский и военный контроль над этим государством, то я должен сказать, что пока Низам сам не явится сюда без сопровождения какого-либо лица, могущего насильно заставить его следовать приказам правительства Индии, я не буду доверять никаким письмам или телеграммам за его подписью.

Сначала наша информация исходила исключительно от правительства Индии. Странно, что овечка получала успокоительные заверения от волка. Представитель Индии сказал нам здесь, что он получил телеграмму из Нью-Дели, т. е. от волка, и что, следовательно, овечка должна считать себя удовлетворенной. Но мы знаем, что независимость государства была разрушена силой. Можно ли это действие оправдать — это тот аспект вопроса, в обсуждение которого я входить не хочу.

Я повторяю, что несмотря на некоторые довольно опрометчивые заявления по нашему адресу, мы должны поддерживать представителей малых государств, стараясь защищать их существование и независимость; я охотно допускаю, что правительство Индии пользуется полной поддержкой народа и что оно может рассчитывать на многих способных людей, начиная с главы государства и ниже, но когда это самое правительство заявляет, что по той или иной причине его вооруженные силы вторглись со своими войсками в государство Хайдарабад, имея на это все основания, тогда в качестве члена Совета Безопасности я не требую дальнейших расследований или проверок. Я повторяю еще раз: «признание вины делает доказательства излишними».

Хайдарабад был независимым государством. Представитель Индии обещал нам представить доказательства того, что государство Хайдарабад не было независимым, однако, он этого не сделал. Хайдарабад был независимым государством, получившим полную свободу 15 августа 1947 года согласно закону, изданному британским пар-

¹ См. Официальные отчеты третьей сессии Генеральной Ассамблеи, 143-е пленарное заседание.

ламентом, который восстановил его полную независимость, государством, свободным от всяких уз и связей, будь то с британской короной, от которой он прежде был в зависимости, или с каким-либо другим правительством. Это государство было уничтожено силой оружия.

Таким образом, я придерживаюсь того мнения, что не следует приглашать ни представителя Индии, ни представителя Хайдарабада. Но если нам придется пригласить одного из них, то мы должны будем пригласить и другого, но сделать это мы должны после расследования, предложенного представителем Сирии, с тем чтобы Низам — если он пожелает быть представленным — был бы в состоянии выразить свои мнения свободно, а не под давлением военной оккупации. Мы должны принять во внимание, что одно государство было уничтожено силой, уничтожено членом Организации Объединенных Наций. Такое действие противоречит Уставу.

На предыдущем заседании [359-е заседание] я говорил о большой рыбе, которая проглотила маленькую рыбу, и хотя это может быть естественным биологическим законом, мы, однако, не можем допустить, после подписания Устава, существования такого закона в политической области. Мы должны защищать маленьких рыб, чтобы их не проглатывали большие рыбы.

Таково положение в Хайдарабаде. Мне представляется совершенно ясным, что Совет Безопасности должен предложить правительству Индии отозвать свои войска из Хайдарабада и восстановить там прежнее правительство. Совет должен предложить правительству Индии соблюдать положения Устава и уладить свои разногласия с государством Хайдарабад путем консультации и мирных переговоров, или же, в качестве последнего средства, представить этот вопрос на рассмотрение Совета Безопасности. Если это не будет сделано, то Хайдарабад — я еще раз повторяю это, рискуя даже подвергнуться оскорблениям и порицаниям в прессе — окажется в том же положении в котором оказалась Эфиопия. На предыдущем заседании я говорил, что были изданы прокламации для успокоения населения Хайдарабада. Но и итальянская армия издавала прокламации, чтобы успокоить народ Эфиопии, когда она вторглась в эту страну и заняла Аддис-Абебу.

Таково юридическое положение. Все остальное, с точки зрения Совета Безопасности, не имеет, по-моему, никакого значения. Я ни в коем случае не буду голосовать за снятие этого пункта с повестки дня, и я думаю, что единственными определенными шагами, которые мы можем предпринять, являются или расследование происшедших событий при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств, или, если мы удовлетворимся сообщениями прессы и заявлениями представителей правительства Индии, принятие тех мер, которые нам предписывает Устав.

Я готов принять решение большинства Совета, но никогда не могу согласиться с тем, что государство, даже если оно управляется диктатором, являющимся представителем лишь меньшинства, должно быть силой уничтожено, так как Устав не делает различия между демократическими государствами и государствами, управляемыми диктаторами. Ни одно государство не может быть уничтожено таким образом.

Совет Безопасности должен выяснить, правда ли то, что говорят все, включая и правительство

Индии, принять меры к восстановлению Хайдарабада в его прежнем положении и вернуть управление государством правительству Хайдарабада.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Трудность Председателя заключается в следующем: правило 14 наших правил процедуры гласит: «Любой член Организации Объединенных Наций, не состоящий членом Совета Безопасности, или любое государство, не являющееся членом Организации Объединенных Наций, в случае приглашения участвовать в заседании или заседаниях Совета Безопасности, представляют полномочия представителя, назначенного этим государством с этой целью».

Некоторое время тому назад представитель Хайдарабада предъявил свои полномочия, подписанные Низамом Хайдарабада. Я получил письмо [S/1011], — о котором Совет Безопасности уже поставлен в известность, — подписанное, как мне кажется, тем же самым правителем. Это письмо, как я уже указывал, гласит:

«Делегация, посланная в Совет Безопасности по инициативе указанного министерства, утратила теперь свои полномочия представлять меня и мое государство».

Я не знаю, была ли поставлена под сомнение подлинность этого письма. То, что было сказано или подразумевалось, сводится, по-моему, к тому, что автор этого письма не действовал в условиях полной свободы, когда он писал это письмо. Иначе говоря, события привели к тому, что он написал это письмо не по своей свободной воле, но под некоторого рода принуждением. Если я не получу от Совета Безопасности дальнейших указаний, я предложу членам Совета пригласить обе стороны к нашему столу для обсуждения вопроса о действительности этого письма. Я предложил бы, чтобы представитель Индии присутствовал в обычном порядке как представитель Индии. Что же касается представителя Хайдарабада, то пока, так как мы еще не разрешили вопроса о действительности его полномочий, он должен присутствовать на заседании, согласно правилу 39 правил процедуры, в качестве отдельного лица или отдельного представителя, с правом принимать участие в дискуссиях только по этому предварительному вопросу о действительности его полномочий. Он не будет иметь права принимать участия в обсуждении самого вопроса, и разумеется, мы не сможем продолжать нашей дискуссии по существу вопроса, пока мы не разрешим предварительный вопрос о том, имеет ли он право согласно Уставу присутствовать и участвовать в дискуссиях Совета Безопасности.

Я не знаю, согласятся ли с этим предложением другие члены Совета. Если возражений не будет, я приведу это предложение в исполнение.

ЦЗЯН Тинь-фу (Китай) (говорит по-английски): Мне кажется, что нет никаких оснований сомневаться в подлинности этого документа. У нас есть письмо от Низама, который заявляет, что он снимает этот вопрос и что он также отзывает свою делегацию. Письмо подписано тем же самым лицом, которое поставило свои инициалы на первоначальных полномочиях, признанных нами действительными. Кроме того, у нас есть телеграмма, подтверждающая это письмо. Если такие документы не будут признаваться действительными, работа Организации Объединенных Наций окажется очень трудной.

Но так как мнения в Совете Безопасности расходятся, — не столько по этому пункту, я бы сказал, сколько по существу вопроса, — то, если Председатель решит пригласить бывшего представителя Хайдарабада к столу Совета согласно правилу 39 правил процедуры, моя делегация возражать не будет. Правило 39 гласит: «Совет Безопасности может приглашать членов Секретариата или других лиц, которых он считает компетентными для этого с целью получения от них информации или помощи при рассмотрении вопросов, входящих в его компетенцию».

Если Председатель пригласит бывшего представителя Хайдарабада к столу Совета Безопасности согласно этому правилу, моя делегация возражать не будет; но если мы пригласим его в качестве официального представителя Хайдарабада, моя делегация будет против этого.

Х. АРСЕ (Аргентина) (говорит по-испански): Я только что прочитал, или, вернее сказать, изучил оба письма, подписанные Низамом Хайдарабада. Я нахожу, что подписи не одинаковы, хотя почерк, мне кажется, тот же в обоих случаях. Секретарь, г-н Соболев, сообщил мне, что одна подпись сделана по индусской манере, а другая по английской манере.

Я утверждал и теперь продолжаю утверждать, что Низам Хайдарабада в настоящее время не в состоянии подписывать документов, которые Совет Безопасности может рассматривать как подлинные; тем не менее, я не возражаю против признания этих документов подлинными, даже если второй документ был подписан под давлением, хотя я и не утверждаю, что было именно так.

Что касается заявления, сделанного представителем Китая, я хотел бы указать на то, что при нормальных обстоятельствах, мы, конечно, признаем все телеграммы или письма подлинными. Я еще раз повторяю, что мы не можем игнорировать того простого факта, что положение в Хайдарабаде не нормально. Однако, я оставляю в стороне этот аспект вопроса и скажу только, что, со своей стороны, я не возражаю против признания этих писем действительными; таким образом, нам не следует продолжать обсуждение этого вопроса только с целью обсуждения, но решить, была ли жалоба Низама Хайдарабада против Индии действительно взята назад или нет. Если считать, что жалоба эта снята, как того просит Низам Хайдарабада, то вопрос этот отпадает и нет основания продолжать дискуссию.

Мы уже позволили Совету Безопасности превратиться в своего рода суд, в котором тяжущиеся стороны занимаются дебатами на обеих сторонах стола. Сегодня мы можем отметить нечто новое. В наши дебаты вмешалась публика.

Ясно, что это не может поднять престижа Совета, и это не является только моей обязанностью. Поэтому я не вижу необходимости приглашать кого-либо и продолжать такое положение вещей. Я считаю, что мы должны теперь же решить, снята ли жалоба Хайдарабада против Индии на основании только что прочитанного письма или нет.

Вот тот вопрос, по-моему, который должен быть разрешен Советом Безопасности.

Р. УРДАНЕТА-АРБЕЛАЕС (Колумбия) (говорит по-испански): Со своей стороны, я не возражаю против решения Председателя пригласить обе стороны к столу Совета.

Тем не менее, я хотел бы сделать замечание, — а не возражение, — и сказать, что всякая

дискуссия, в которой участвуют стороны в споре, едва ли прольет много света на рассматриваемый вопрос. Проблема эта, строго говоря, не является юридическим вопросом. Это, скорее, вопрос о положении *de facto*. Я не сомневаюсь в фактической подлинности писем, полученных от Низама. Но я не уверен, что они были подписаны Низамом в условиях полной свободы. Мы знаем, что территория Хайдарабада сейчас находится под индийской военной оккупацией. Поэтому мы не можем быть уверены в том, что второе письмо подписано Низамом по его доброй воле.

Если письмо это было подписано добровольно, то оно, разумеется, имеет полную юридическую силу и должно привести к отзыву делегации и к снятию этого пункта с повестки дня Совета Безопасности. Но если оно было подписано под принуждением, то оно не имеет никакой силы и ни к чему не приведет.

Как добиться истины? Как я уже сказал, я думаю, что в данный момент выступления обеих сторон не смогут пролить света на этот вопрос. Может быть, единственным подходящим способом, который дал бы Совету возможность вынести решение при полном знании фактов и заняться позднее обсуждением существа этого вопроса, является способ, предложенный представителем Сирии и состоящий в том, чтобы Совет воспользовался своими собственными средствами расследования и принял бы решение позднее, на основании полученной им информации и докладов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я весьма сожалею, что произошла такая задержка в связи с этим вопросом. Тем не менее, я хотел бы сказать, что, по моему мнению, поднятый мною вопрос является весьма важным. При таких спорах мы обязаны согласно самому Уставу приглашать к этому столу представителей обеих сторон, независимо от того, являются ли они членами Совета Безопасности или Организации Объединенных Наций или не являются.

В данном случае действительность полномочий одной из сторон была поставлена под сомнение, и я считал себя обязанным поднять этот вопрос. Я не получил от своих коллег в Совете Безопасности никаких определенных инструкций в этом отношении. Тем не менее, в надежде сократить эти дискуссии и в надежде, что мое предложение сможет оказать приемлемым для моих коллег, я предложил, ввиду того, что представитель Хайдарабада сомневался в приемлемости письма, аннулирующего жалобу и полномочия делегации Хайдарабада, чтобы Совет Безопасности выслушал его в первую очередь по этому вопросу и только по этому одному вопросу. Если Совет Безопасности согласится с такой процедурой, то, по-моему, будет правильным и неизбежным пригласить также и представителя Индии к столу Совета.

Поэтому, если возражений нет, я приглашу представителей Индии и Наваба Моина, представлявшего Хайдарабад на нашем последнем заседании по этому вопросу, занять места за столом Совета. Совет Безопасности сможет тогда узнать от Наваба Моина, почему он считает последнее письмо Низама Хайдарабада не заслуживающим рассмотрения. Если я не услышу никаких возражений, я так и сделаю.

А. ПАРОДИ (Франция) (говорит по-французски): Я не хочу сейчас высказываться по существу вопроса. Я хочу только сказать, госпо-

дин Председатель, что я всецело одобряю предлагаемую вами процедуру. Я думаю, что мы должны выслушать представителей обеих сторон, но не указывая пока точно, в качестве кого Наваб Моин Наваз Джунг сделает свое заявление, так как, если мы слишком точно укажем, согласно какому именно правилу мы его будем выслушивать, мы тем самым вынесем решение по тому именно вопросу, по которому, насколько я понимаю, мы ознакомимся с его мнением.

Поэтому я всецело поддерживаю, господин Председатель, ваше предложение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Так как дальнейших замечаний не предполагается, я приглашаю представителя правительства Индии и Наваба Моина, который представлял Хайдарабад на нашем последнем заседании, занять места за столом Совета.

По приглашению председателя сэра Рамасвами Мудалиар, представитель Индии, и Наваб Моин Наваз Джунг (Хайдарабад) занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Представитель Хайдарабада находился в зале заседаний Совета Безопасности и, без сомнения, слушал наши дискуссии. В своем письме Совету Безопасности от 24 сентября [S/1015] он усумнился в приемлемости последних сообщений, полученных от Низама Хайдарабада. Если представитель Хайдарабада желает сделать какое-либо заявление, чтобы уточнить сказанное им в его письме, то, может быть, члены Совета Безопасности его выслушают, и если он готов, я представлю ему слово теперь же. Но я хочу ему снова напомнить, что, насколько я это понимаю, мы обсуждаем теперь не существо вопроса, а лишь вопрос о действительности полномочий представителя Хайдарабада.

Наваб МОИН НАВАЗ ДЖУНГ (Хайдарабад) (говорит по-английски): Я благодарю Совет Безопасности за приглашение к своему столу, чтобы помочь ему в обсуждении этого вопроса. Прежде чем сделать свое заявление, могу ли я обратить внимание Совета Безопасности на два момента?

Во-первых, действительность данных мне инструкций находится сейчас под вопросом. Я думаю, что пока этот вопрос не будет разрешен так или иначе, я нахожусь здесь в качестве главы хайдарабской делегации и продолжая выступать от имени делегации, как таковой.

Во-вторых, сегодня утром я беседовал с Председателем Совета, а также обратился к нему с письмом, с просьбой о разрешении сделать исчерпывающее заявление от имени моей делегации на сегодняшнем заседании. Как видно из замечаний, им только-что сделанных, Председатель хотел, чтобы я ограничился обсуждением вопроса о действительности моих полномочий и инструкций, полученных мною от моего правительства.

Я позволяю себе заметить, что это ограничение является не совсем справедливым по отношению ко мне при создавшихся обстоятельствах, так как вопрос о действительности полномочий не может обсуждаться вне связи с событиями, происшедшими после последнего заседания Совета Безопасности [359-е заседание]. Мой уважаемый друг, представитель Индии, имел возможность несколько раз излагать точку зрения и позицию своего правительства, но у меня таких возможностей не было.

Поэтому, я надеюсь, что по дальнейшему и более полному рассмотрению этого вопроса, Председатель и члены Совета Безопасности разрешат мне сделать исчерпывающее заявление, которое, как я позволяю себе напомнить о том Председателю, будет весьма кратким.

Заявление мое не возьмет больше пятнадцати минут, но выступив в Совете, я буду знать, что я выполнил ту задачу, для выполнения которой я был послан в Совет Безопасности. Кроме того, если это не будет сделано, то я буду чувствовать, что я своего долга не исполнил, и я буду принужден просить Совет Безопасности разрешить мне не делать в настоящее время никаких заявлений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Прежде чем выслушать заявление представителя Хайдарабада, я хотел бы сказать, что мне трудно определить, о чем следует и о чем не следует говорить; другими словами, мне трудно в данном случае дать какое-либо точное определение. Я считал, что представитель Хайдарабада, защищая свою точку зрения, должен строго придерживаться фактической стороны вопроса; он может, если он намерен это сделать, показать, что Низам больше не имеет никакой власти, что правительственные должностные лица Хайдарабада заменены другими, и привести другие факты того же характера. Расширять эту тему и говорить о правильности или неправильности мер, проведенных правительством Индии, выходило бы за пределы нашей настоящей дискуссии.

Я сознаю, что провести такую линию весьма трудно, но я прошу представителя Хайдарабада ограничиться насколько это возможно, фактическими данными, которые смогут помочь Совету Безопасности прийти к какому-либо заключению по рассматриваемому нами вопросу и решить действовал ли Низам Хайдарабада, подписывая свое последнее письмо, в условиях полной свободы.

Наваб МОИН НАВАЗ ДЖУНГ (Хайдарабад) (говорит по-английски): Я вполне понимаю точку зрения Председателя и, идя навстречу его пожеланиям, постараюсь ограничиться прежде всего вопросом о действительности моих полномочий и, во-вторых, изложением некоторых событий, имевших место в течение последних восьми дней после того, как моя страна была занята Индией. Но поступая таким образом, я все же опять прошу Председателя позволить мне сделать несколько замечаний, без которых невозможно будет изложить фактическую сторону дела, и проявить возможно большее великодушие, так как вполне возможно, что после вынесения решения по этому вопросу у меня не будет другого случая выступить перед Советом Безопасности, и я, конечно, желал бы высказаться полностью, прежде чем освободить свое место за столом Совета.

С согласия господина Председателя, я хочу сначала высказаться по вопросу об аннулировании полномочий, данных нашей делегации.

В целом ряде сообщений, исходящих якобы от Низама и адресованных мне как главе делегации и Генеральному Секретарю Объединенных Наций, указывалось, что первоначальные полномочия, данные нашей делегации, аннулируются. Тексты этих сообщений представлены Совету Безопасности. Хотя документы эти, очевидно подписанные Низамом, пришли теперь в Париж, мы считаем, что при создавшихся обстоятельствах Совет Безопасности должен вынести фор-

мальное решение о действительности этих документов.

Если допустить, что эти письма были посланы самим Низамом или по его распоряжению, то вопрос о том, действовал ли правитель государства вполне свободно, должен быть, по нашему мнению, разрешен Советом Безопасности. Мы знаем, и Совет Безопасности также знает, что Низам сложил с себя всю свою правительственную власть в пользу командующего индийскими войсками. В это трудное время мы не хотим сказать или сделать что-либо, что могло бы бросить тень сомнения на нашу абсолютную лояльность и повиновение Низаму или на наше сердечное желание добиться дружбы и симпатии Индии. Но мы не сочли правильным действовать согласно полученным нами сообщениям, исходя из того, что мы имеем дело с более широким принципом, непосредственно касающимся Организации Объединенных Наций в целом.

Правительство страны, находящейся под угрозой неприятельского вторжения, посылает делегацию для защиты независимости своей страны перед Организацией Объединенных Наций. Пока делегация выполняет свои обязанности, представляя этот вопрос Организации Объединенных Наций, — а на самом деле, даже раньше этого, — страна ее подвергается вторжению неприятеля и командующий неприятельской армией или правитель страны, действуя согласно желаниям командующего, приказывает делегации аннулировать жалобу, представленную Организации Объединенных Наций. Может ли Организация Объединенных Наций согласиться на такой способ действия? Неужели такой способ действия согласуется с авторитетом и с целями Организации Объединенных Наций? Следует заметить, что здесь дело идет не о правительстве, аннулирующем полномочия, утвержденные его предшественником. На самом деле, здесь мы имеем дело с неприятелем, который вторгся в чужую страну и которому удалось аннулировать полномочия делегации, исходившие от законного правительства.

Следует также принять во внимание, что если при таких условиях Организация Объединенных Наций решит не признавать более нашей делегации, она тем самым лишит себя источника информации, исходящего от стороны, непосредственно и самым жизненным образом заинтересованной в этом вопросе.

Ввиду всего этого, мы пришли к заключению, что нашим долгом является просить Совет Безопасности взять на себя важное решение относительно статуса нашей делегации при Организации Объединенных Наций. Мы лояльно подчинимся этому решению.

Мы не желаем усложнять работу Совета Безопасности. Мы не хотим заниматься полемикой и отвечать подробно на обвинения, предъявленные представителями Индии, и заявления, сделанные ими на заседаниях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Мы верим в настоящую необходимость достигнуть прочного соглашения с доминионом Индии на основе дружбы и взаимного уважения. Мы составляем неотъемлемую часть великого братства Индийского континента, и мы горячо надеемся, что это испытание и эти беспорядки поведут к почетному и справедливому соглашению, которое окажется прочным во славу Индии и на счастье народа Хайдарабада. Мы решили ничего не говорить и не делать, что могло бы помешать миру и со-

гласию, но из преданности нашему делу и во исполнение нашего долга по отношению к Организации Объединенных Наций, которой мы представили на рассмотрение нашу жалобу, мы должны со всей требуемой ясностью изложить факты, приведшие к настоящему положению, так как они связаны не только с прошлым, но и с будущим.

В первую очередь, мы отвергаем утверждение, что войска Индии вошли на нашу территорию с целью поддержания порядка. В этой зале нет никого, кто бы не знал в глубине своего сердца, что утверждение, что эта оккупация была осуществлена с целью поддержания порядка в Хайдарабаде, является лишь предлогом; что сообщения о необузданности и эксцессах частной добровольческой армии являются чрезмерным и сознательным преувеличением; что война с Хайдарабадом была заранее задумана и подготовлена в связи с национальной политикой, имеющей целью создание единой и объединенной Индии. Открытое и искреннее признание этого факта выявило бы уважение к общественному мнению всего мира и к Организации Объединенных Наций и, как нам кажется, уважение к достоинству Индии. В Хайдарабаде не было никаких беспорядков, никаких столкновений между общинами и никаких эксцессов, даже после того как началось вторжение неприятеля и после того как оно возбудило в народе Хайдарабада чувство обиды и горечи.

Именно это обстоятельство, т. е. отсутствие какой бы то ни было классовой борьбы и беспорядков, является одной из отличительных черт Хайдарабада и частью его национальной традиции. Этим фактом теперь пренебрегают в целях осуществления жестокого плана политического объединения Индии. Если правительство Индии все еще продолжает настаивать на том, что действительной и первоначальной целью военного вторжения было прекращение в Хайдарабаде широко распространенных беспорядков и террора, то не согласится ли правительство Индии на международное расследование для выяснения фактической стороны этого вопроса?

Вопрос о том, вторглись ли индийские войска с целью предупреждения дальнейших беспорядков и анархии в Хайдарабаде, имеет не только историческое значение. Он тесно связан с целями индийской оккупации. Индия заявила, что целью оккупации было восстановление порядка и создание условий для свободного волеизъявления народа Хайдарабада по вопросу о его будущих отношениях с Индией. Однако, есть глубокое различие между восстановлением порядка и полной заменой хайдарабадских властей индийскими властями. В Хайдарабаде устраняются все главные должностные лица администрации. Дело не только в том, что Низам был принужден передать свою власть индийскому военному командующему. Полицейские и персонал налоговых органов в шестнадцати округах Хайдарабада заменены индийскими чиновниками, привезенными из Индии, главным образом из Бомбея и Мадраса. Назначен главный гражданский администратор, чиновник из Индии, в помощь военному командующему, являющемуся высшей инстанцией.

Индия распоряжается в Хайдарабаде как победитель. Далеко идущие административные и конституционные изменения затрагивают даже вопросы внутренней администрации. Изданы указы, отменяющие полномочия некоторых гене-

ральных агентов Хайдарабада за границей — скромные и последние проявления его международного статуса. Какое нужно иметь воображение, чтобы считать, что эти меры направлены на восстановление порядка? Таким образом, первая задача Организации Объединенных Наций по этому вопросу должна заключаться в том, чтобы положить конец аннексии Хайдарабада, которая теперь происходит. Необходимо восстановить нормальную административную и конституционную жизнь страны, и наблюдатели Организации Объединенных Наций должны озабочиться о том, чтобы под предлогом восстановления порядка Хайдарabad не был лишен своей свободы в то время, когда Организация Объединенных Наций рассматривает создавшееся положение.

Далеко идущие реформы, вводимые Индией, тесно и непосредственно связаны с вопросом плебисцита, который должен определить будущие отношения между Хайдарабадом и Индией. Предложение о плебисците было сделано правительством Хайдарабада еще в июне 1948 года. Оно было повторено со всей необходимой ясностью в заявлении по хайдарабадскому вопросу, представленному Совету Безопасности [S/1001]. Там было сказано:

«Правительство Хайдарабада предложило, чтобы вопрос об обороне, внешних сношениях и связи, согласованный обеими сторонами, был разрешен путем плебисцита на базе участия в голосовании всех взрослых лиц под контролем Организации Объединенных Наций».

Отсюда ясно, что, вопреки утверждению плохо осведомленных лиц, позиция правительства Хайдарабада не является позицией правительства меньшинства, в отчаянии цепляющегося за власть, не считаясь с народной волей. Но плебисцит должен быть настоящим плебисцитом, а не фарсом, контролируемым индийскими военными властями и импортированными из Индии должностными лицами. Должно быть восстановлено нормальное конституционное правительство страны и созданы надлежащие условия для проведения свободного плебисцита.

Организация Объединенных Наций может принять эффективные меры для обеспечения таких условий. В международной практике уже выработан необходимый для этого аппарат. Но важно, чтобы до этого были назначены беспристрастные наблюдатели для представления информации о положении и об администрации страны. Ясно, что Совет Безопасности не может никоим образом ограничиться информацией, представляемой одними только индийскими властями. Кроме того, доминион Индии должен принять на себя особое обязательство, что в период до восстановления гражданской администрации в государстве Хайдарabad, не будет никаких преследований за якобы политические преступления, увольнений и т. д. и никаких нежелательных действий в отношении государственного имущества. Это тоже должно быть гарантировано путем назначения беспристрастных наблюдателей.

Кроме того, делегация Хайдарабада ожидает от Совета Безопасности содействия для достижения немедленного и прямого соглашения с доминионом Индии. Я заявил на заседании Совета Безопасности 16 сентября [357-е заседание], что:

«...мы готовы выдвинуть конструктивные предложения для общего урегулирования во-

проса, которые ни один добросовестный человек не назвал бы неразумными или недостаточно учитывающими все важные аспекты единства Индийского континента».

Вторжение произошло после того, как я сделал это заявление. Однако, я повторяю это предложение торжественно и обдуманно. Согласно ли правительство Индии даже в настоящий момент пойти нам навстречу, как братья, а не как завоеватели, чтобы обсудить наше будущее без взаимных обвинений относительно прошлого? Я не вижу причин, почему обе стороны не могут выдвинуть конструктивных предложений, касающихся всех аспектов вопроса, вне всякой зависимости от уже имевших место переговоров.

Нет никаких оснований отказывать им в помощи, и есть веские основания для того, чтобы один из членов или комитет Совета Безопасности оказали им помощь в этом отношении, так как мы ожидаем содействия и защиты со стороны Организации Объединенных Наций. Мы твердо верим, что наши цели в данном случае совпадают с целями Организации Объединенных Наций. Мы не претендуем на то, что мы собираемся защищать Организацию Объединенных Наций или ее Устав. Это было бы абсурдом. Мы находимся здесь, чтобы защищать самую нашу жизнь, жизнь народа, имеющего определенные традиции, историю и достижения, но защищая таким образом нашу независимость и наше достоинство, мы одновременно защищаем Устав Организации Объединенных Наций. Если Организация Объединенных Наций допустит это вторжение и уничтожение государства, совершаемое якобы для поддержания порядка, то какие законные средства помощи и какой моральный авторитет останутся у Организации Объединенных Наций для подавления таких действий в будущем?

Мы горячо надеемся, что руководители Индии выкажут великодушие и мудрость, как того требуют духовное величие Индии и священная память Махатма Ганди, что Организация Объединенных Наций докажет на деле веру в свои принципы и решимость защищать их в часы испытаний и что народ Хайдарабада будет избавлен от вторжения и установит прочную, искреннюю дружбу с народом Индии.

Я хочу поблагодарить Председателя Совета Безопасности за то, что он разрешил мне сделать это заявление полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Прежде чем выступить со своим заявлением, представитель Хайдарабада просил меня быть снисходительным. Я надеюсь, он понимает, что я исполнил его просьбу. Я полагал, что я иду навстречу желаниям членов Совета, либерально истолковывая мое собственное заключение. Наша процедура, здесь в Совете, довольно гибка, но я просил бы сидящих вокруг этого стола ограничиться пока, если это вообще возможно, обсуждением предварительного вопроса, т. е. вопроса о полномочиях делегации Хайдарабада. Этот вопрос должен быть разрешен как можно скорее, прежде чем мы приступим к обсуждению существа вопроса. Я знаю, что трудно рассматривать эти два вопроса совершенно отдельно друг от друга, но я просил бы тех, кто собирается взять слово, постараться ограничиться в настоящее время замечаниями по предварительному, рассматриваемому Советом вопросу.

Сэр Рамасвами МУДАЛИАР (Индия) (говорит по-английски): Вопрос, обсуждением кото-

рого, по просьбе Председателя, мы должны ограничиться, заключается в установлении того, насколько действительным является письмо, полученное от Его Высочества Низама, письмо, которое аннулирует жалобу, представленную Совету Безопасности, и отменяет полномочия делегации, ранее сюда прибывшей.

Лицо, сидящее на другом конце стола, не привело ни одного факта, могущего подвергнуть это заявление какому-либо сомнению, но оно, однако, позволило себе ряд нападок, намеков, инсинуаций и порицаний по адресу правительства Индии, на которые я себя считаю обязанным реагировать очень резко, хотя я и преклоняюсь перед решением Председателя. В своем заявлении я коснусь главным образом вопроса о силе и значении распоряжения Низама об аннулировании полномочий делегации, равно как и о снятии жалобы, представленной до этого Низамом Совету Безопасности.

Естественно, что некоторые члены Совета Безопасности с хорошо развитым чувством осторожности — как у моего старого и уважаемого друга из Сирии, которого мы знаем еще со времени конференции в Сан-Франциско и который неоднократно проявлял это врожденное чувство осторожности, помогавшее нам при других обстоятельствах — возбудили этот вопрос перед этим высоким собранием. Я весьма ценю это чувство осторожности и считаю очень важным тот факт, что Совет Безопасности, выполняющий ответственные обязанности, считает необходимым, поскольку это представляется возможным, удостовериться в действительности представляемой документации.

Я только сожалею, что это чувство осторожности не было проявлено в более ранней стадии и что представитель Сирии не подумал о необходимости проверить полномочия первоначальной делегации, прибывшей из Хайдаррабада, о проверке не подписи Низама, так как в обоих случаях ее подлинность была признана, но о проверке того, насколько Низам действовал тогда свободно, посылая эту делегацию, и насколько он сейчас действует свободно, аннулируя полномочия, данные им этой делегации.

Это — не пустые слова и не легкомысленность с моей стороны, когда я говорю, что Совету нужно было подумать о подлинности полномочий гораздо раньше. Дело в том, что я хочу показать Совету, — и я надеюсь, что это окажется убедительным, по крайней мере для большинства членов Совета, — что именно тогда Низам не пользовался полной свободой, а что теперь, напротив, он действует свободно, по своей собственной инициативе, руководствуясь своими собственными интересами и пытаясь разрешить этот вопрос в соответствии со своим собственным благополучием и благополучием своего народа и государства.

Здесь было сделано столько ссылок на газетные сообщения, что я надеюсь, что Председатель меня извинит, если я приведу цитату из радиопередачи, сделанной самим Низамом; эту передачу мог слышать весь мир и, конечно, вся Индия. Можно было бы сомневаться в чувствах Низама, но не в голосе Низама. Отчеты об этом выступлении появились почти во всех английских и в некоторых континентальных газетах.

В своей речи, переданной по радио 23 сентября, Низам заявил:

«Несколько делегаций, называющих себя делегациями Хайдаррабада, продолжают вести кампанию против так называемых злодеяний

Индии, которая, в действительности, только восстановила мою свободу руководить судьбами Хайдаррабада в соответствии с традициями асафджакхской династии и интересами Хайдаррабада. В ноябре прошлого года...» — прошу Совет Безопасности обратить внимание на эти слова — «...небольшая группа, создавшая полувоенную организацию, враждебную лучшим традициям Хайдаррабада, окружила дом моего тогдашнего премьер-министра Наваба Шхатари, к мудрости которого я имел полное доверие, и дом сэра Уолтера Монктона, моего конституционного советника, и таким образом силою заставила Наваба Шхатари и других министров, которым я доверял, подать в отставку. Эта группа, с Казимом Разви во главе...» — он является главой *разакаров*, тех гангстеров, о которых я упоминал прежде, — «...завладела государством, распространяя террор среди всех слоев общества, мусульман и немусульман, отказывавшихся повиноваться этим людям».

Я знаю, что можно подвергнуть сомнению чувства, выраженные Низамом в этой радиопередаче. Многие, может быть, продолжают считать, что это не соответствовало действительным намерениям Низама, что трудность положения, в котором он находился, когда его государство было окружено со всех сторон, и бесполезность его настоящего положения принудили его обратиться с этой речью по радио и что это является лишь лишним доказательством беспомощности Низама. Я уверен, что такое предположение будет высказано. Если кто-либо придерживается того мнения, что эта радиопередача не касается фактов и что она не является подлинным выражением того, что Низам чувствовал или чувствует, то я хотел бы привести выдержки из двух документов, представленных делегацией Хайдаррабада этому высокому собранию. Эти документы не были подготовлены или изобретены мною по этому случаю; ответственность за них несу не я, а делегация Хайдаррабада. Они подтверждают правильность заявления Низама. Я говорю о толстом томе [S/1001], который был представлен всем членам Совета Безопасности, и я хочу привести выдержку со страницы 82 этого тома. 8 апреля этого года генерал-губернатор Индии лорд Луис Маунтбаттен отправил письмо Низаму Хайдаррабада. Письмо это приведено на страницах 82 и 83 этого документа. Я прочту несколько коротких отрывков.

«Сэр Уолтер Монктон передал мне Ваше письмо от 5 апреля. Я надеюсь, что Вы будете рассматривать мои ответы на некоторые поднятые Вами вопросы как имеющие чисто личный характер».

«Как имеющие чисто личный характер», это будет ясно из следующей фразы:

«Как Вам хорошо известно, я являюсь теперь генерал-губернатором и мои официальные взгляды являются взглядами моего правительства».

Это правильно. Лорд Луис Маунтбаттен занимает это положение с 15 августа 1947 г., но в этом письме он выступает не в роли генерал-губернатора.

«Я, тем не менее, считаю полезным поделиться с Вами моими личными идеями и мыслями по поводу настоящего положения».

Это было 8 апреля 1948 г. В письме дальше говорится:

«Я твердо убежден в том, что это настроение продолжалось бы с момента подписания соглашения о статус-кво и что мы с Вами были

бы свидетелями улучшения положения, если бы только не произошел этот в высшей степени прискорбный инцидент, имевший место в столице Вашего Высочества в ночь на 27-е октября».

Что же это был за инцидент? В письме говорится:

«Я говорю о том инциденте, когда Ваша делегация, членами которой были тогда Наваб Шхатари (Ваш тогдашний премьер-министр), сэр Султан Ахмед, Наваб Али Наваз Джунг и сэр Уолтер Монктон, не смогла, к сожалению, выехать из Хайдарабада в Дели, как это предполагалось. Мне незначительно останавливаться на подробностях этого инцидента и говорить о той роли, которую в нем сыграла полиция. Эти факты так же хорошо известны Вашему Высочеству, как и мне. Но я должен снова высказать свое глубокое убеждение, что если бы в этот критический момент удалось воспрепятствовать насильственным мерам, не соответствовавшим желаниям Вашего Высочества, то история отношений между Индией и Хайдарабадом получила бы совершенно другое и гораздо более благоприятное направление».

Этот трагический инцидент был источником всех трудностей. Гангстеризм одержал верх. Низам оказался беспомощным. Премьер-министр и министры были вынуждены подать в отставку, и таким образом завершился государственный переворот. Повторяю, это было не просто письмо, посланное частным образом Низаму в запечатанном конверте. О том же самом инциденте упоминает Его Превосходительство лорд Луис Маунтбэттен в своей беседе с делегацией Хайдарабада, которая отправилась к нему 9 июня этого года и во главе которой стоял премьер-министр Хайдарабада, занявший место Наваба Шхатари после переворота. Он был премьер-министром Хайдарабада до недавнего времени и подал в отставку 17 числа, в результате чего Низам взял управление страной в свои руки в первый раз после переворота.

Я опять цитирую из документа, представленного делегацией Хайдарабада, и члены Совета Безопасности могут найти эту цитату на стр. 132 этого документа. Содержание этого интервью зафиксировано в двух документах, которыми обменялись стороны, и я привожу текст, представленный премьер-министром и бывшей делегацией Хайдарабада.

«Меморандум, касающийся разговора, имевшего место 9 июня 1948 г. между генерал-губернатором Индии и делегацией Хайдарабада (сэр Уолтер Монктон также присутствовал)».

Я прочту интересующую нас часть этого интервью: «Генерал-губернатор лорд Луис Маунтбэттен подчеркнул, что всякое выдвинутое той или другой стороной решение должно быть таким, чтобы вызвать со стороны Индии благоприятное отношение к Хайдарабаду. Он говорил о том, что настоящее соглашение о статус-кво было подписано в атмосфере недоброжелательства. Так как Его Высочество не подписало соглашения к 15 августа, то он, генерал-губернатор лорд Луис Маунтбэттен, добился двухмесячной отсрочки для продолжения переговоров. К концу этого периода, или, вернее, сейчас же после его окончания, был составлен проект соглашения о статус-кво. Если бы это соглашение было подписано первоначальной делегацией Хайдарабада», (т. е. Навабом Шхатари и министрами, которые должны были подать в отставку после переворота) «оно было бы проведено в духе дружбы, но в конце ноября в

Хайдарабаде произошел переворот, с ведома Наваба Моина Наваза Джунга» (почтенный джентльмен, сидящий против меня), «который привел к тому, что Индия окончательно потеряла доверие к Хайдарабаду». Таково было мнение лорда Луиса Маунтбэттена.

«Затем Наваб Моин Наваз Джунг прибыл в Дели и предложил вернуться к первоначальному проекту соглашения о статус-кво, что было весьма неисклюмым маневром. В конце концов, Наваб Моин Джунг согласился на редакцию соглашения о статус-кво, утвержденную предшествующей делегацией, но к тому времени благожелательность и доверие уже начали исчезать».

Не подтверждает ли это полностью все сказанное Низамом по радио: что начиная с того дня в ноябре, когда он был принужден уволить свое министерство, к которому он питал полное доверие, а именно министерство Наваба Шхатари, одного из наиболее выдающихся политических деятелей среди мусульман Индии, сэра Султана Ахмеда, бывшего члена совета генерал-губернатора, сэра Уильяма Монктона и других, он оставался в стороне от всех этих переговоров. Он старался наладить эти переговоры, но, в конце концов, в отчаянии опустил руки.

Когда это случилось, Низам, как я это уже раньше указывал, потерял свободу действий и подпал под контроль шайки гангстеров.

Теперь, когда Низам освобожден из под власти разакаров и в состоянии действовать по своему усмотрению, теперь, когда он может принимать меры для защиты своих интересов и своей династии, когда он может заботиться о своем народе, восстановить прежние хорошие отношения, которые были нарушены, и даже более чем нарушены, в течение последних восьми месяцев, почтенный представитель, сидящий против меня, слащаво, учтиво и наивно утверждает, что Низам не обладал свободой действий. На чем основывает он такое утверждение? Какое доказательство привел сидящий против меня представитель, из которого видно было бы, что Низам не располагает полной свободой действий?

В представленном им нам документе [S/1015] он приводит целый ряд голословных утверждений. Прежде всего он заявляет:

«...ввиду строгой цензуры и полного запрета беспристрастных сообщений, Совет Безопасности может найти желательным назначить своих собственных наблюдателей...»

Запрет? Строгая цензура? Представитель Хайдарабада дал Совету Безопасности сведения, которыми я не обладаю. Откуда он их взял? Однако, ввиду его утверждения я говорил по телефону сегодня утром с нашим премьер-министром Пандитом Джавахарлалом Неру и спросил его, есть ли какая-либо доля правды в этом утверждении, в ответ на что премьер-министр просил меня категорически заявить, что утверждение относительно цензуры и запрета новостей неправильно. Совершенно и абсолютно ложно то, что все сообщения из Хайдарабада или Индии запрещены в настоящее время. Совершенно, безусловно и абсолютно ложно то, что новости из Хайдарабада подвергаются какой-то цензуре. Премьер-министр сообщил мне сегодня утром, что множество журналистов, репортеров и представителей газет находятся сейчас в Хайдарабаде. Он мне откровенно сказал, что цензура осуществлялась только в течение четырех или пяти дней, когда войска Индии входили в Хайдарабад, и это было необходимо. Но после этого — после 18-го — никакой цензуры боль-

ше не было. Это является опять одним из голословных утверждений, имеющих целью повлиять на членов такого органа, как Совет Безопасности или Генеральная Ассамблея.

Каково же положение в настоящее время? Ввиду сказанного представителем Хайдарабада, я вынужден говорить весьма резко. У меня имеется здесь много телеграмм, в которых указывается, что все обычные функции, выполнявшиеся до 17-го или до 18-го, выполняются теперь должностными лицами правительства Хайдарабада. Два важнейших города, Хайдарабад и Секундарабад, находятся под контролем полиции и войск, подчиненных первоначальному главнокомандующему хайдарабадскими войсками.

Генерал Эльдворс, главный администратор, назначенный правительством Индии, — несомненно из Бомбея — обратился на днях к секретарям и начальникам различных департаментов правительства Низама, все из которых занимают теперь свои руководящие должности в стране, с заявлением, что он требует лишь устранения политической атмосферы среди должностных лиц и выполнения ими своих обязанностей по гражданскому управлению на благо народа Хайдарабада.

Правда, несколько должностных лиц было уволено. Были удалены некоторые должностные лица, политические связи которых с гангстерами были вполне доказаны и сочувствие которых к гангстерам было установлено. И можно ли считать неправильным то, что в целях восстановления спокойствия эти сомнительные должностные лица были временно отстранены с тем, чтобы их место могли занять другие?

Что касается аннулирования полномочий генеральных агентов за границей, то я обладаю по этому вопросу весьма важной информацией. Совсем недавно, 20-го числа этого месяца, Вестминстерский банк перевел со счета Хайдарабадского правительства сумму в 1 004 000 фунтов стерлингов «на имя весьма важного должностного лица другого государства», будучи уполномочен на то лицом, находящимся здесь в Париже; он не имел права этого делать или не должен был этого делать ввиду того что произошло в Хайдарабаде.

Следует ли удивляться тому, что в интересах народа и государства, в интересах правительства, в интересах самого Низама оказывается необходимым, впредь до выяснения всех обстоятельств и пока более лояльные лица не проявят, не только на словах, но с полной искренностью, свою верность Низаму, осуществляется контроль над действиями лиц, находящихся за границей? Не естественно ли, поэтому, что Низам, учитывая свое прежнее положение, видя что его представители за границей связаны с режимом, ограничившим свободу его действий, аннулировал полномочия своих делегаций и генеральных агентов за границей до тех пор, пока их лояльность не будет твердо установлена?

Я дал вам один пример, в котором такая лояльность вызывает сомнения.

Разрешите мне сделать в заключение одно краткое замечание. Прежний представитель Хайдарабада заявил, что он не знал, будет ли введено голосование всеми достигшими совершеннолетия гражданами и будет ли населению дана возможность выразить свою волю. Он пошел даже дальше и заявил, что в июне 1948 года хайдарабадским правительством был предложен план выборов с участием всех совершенно-

летних граждан, или референдума с участием всех совершеннолетних граждан, и что план этот не был принят правительством Индии. Весь мир знает и члены Совета Безопасности знают также, что единственным способом выявления народной воли является всеобщее голосование с участием всех совершеннолетних граждан, и теперешнее правительство Индии и учредительное собрание, разрабатывающее теперь конституцию Индии, обязались придерживаться этого принципа.

Разрешите мне привести цитату из *«Белой книги правительства Индии по вопросу о Хайдарабаде»*.

«Требование плебисцита является самым последним добавлением к арсеналу хайдарабадской пропаганды. Это яркий пример техники Геббельса, состоящей в многократном повторении одной и той же невероятной лжи в надежде, что некоторые невежественные люди поверят этому. Предложение о проведении плебисцита для разрешения спорного вопроса о присоединении Хайдарабада к Индии было сделано правительством Индии еще 27 августа 1947 года».

Это было 27 августа 1947 г., а не 1948 г., и предложение это было сделано генерал-губернатором Индии лордом Маунтбаттеном в его телеграмме от того же числа на имя Низама. Предложение это базировалось на письме государственного министра Сирдара Пателя на имя лорда Маунтбаттена. В этом письме говорилось:

«Если правительство Низама все еще не может решиться вступить на единственный правильный путь, Его Высочество должно согласиться представить этот спорный вопрос на решение народа и руководствоваться этим решением. Мы, с нашей стороны, будем готовы принять любое решение такого референдума».

Ввиду этого, прийти сюда и заявить членам Совета Безопасности, что референдум не разрешен правительством Индии и что Низам действует под принуждением, просто абсурдно. Низам, под влиянием своих тогдашних советников, ответил: «Я хотел бы указать на то, что конституционное положение Хайдарабада исключает возможность возникновения вопроса о референдуме».

Да, весьма легко рассказывать Совету Безопасности такие невероятные сказки, как это делает этот представитель, когда Совету Безопасности неизвестна история всего дела, что, естественно, было бы весьма желательным, и, покидая Совет ввиду потери полномочий, заявить: «Мы просили о проведении референдума, но могущественное правительство Индии этого не разрешает».

Я считаю, что Совет Безопасности должен принять определенное решение. Я утверждаю, что за последние восемь месяцев Низам в первый раз действовал независимо. Я настаиваю на том, что он пришел к заключению, что в своих собственных интересах, интересах своей династии и интересах народа Хайдарабада, народа, не отличающегося от населения остальной части доминиона Индии, а также в интересах государства Хайдарабада вопрос этот должен считаться исчерпанным.

Здесь подчеркивалось, что Хайдарабад обладает будто бы особой культурой, особыми традициями и чем-то специфически неуловимым, что отличает его от остальной части Индии. Я происхожу сам из области, расположенной совсем недалеко от Хайдарабада. С одной стороны его лежит Майсур. Я принимаю теперь активное участие в его управлении и очень тесно

с ним связан. С другой стороны лежит Мадрас — моя родина. Бесчисленные узы родства, общения, дружбы, общей культуры и образования связывают народ государства Хайдарабад с народом Мадраса и являются чем-то таким, что поражает даже самого случайного наблюдателя, даже туриста. До самого недавнего времени образование в Хайдарабаде было связано с мадрасским университетом, и высшие учебные заведения в Хайдарабаде сотрудничали с этим университетом. Образование определяет культуру; общая культура неизбежна там, где существует единая система образования.

Совет Безопасности должен, поэтому, решить, имеет ли смысл оставлять этот вопрос на повестке дня и, ввиду того что Низам действительно снял свою жалобу, как я старался показать, не послужит ли лучше делу мира исключение этого вопроса из повестки дня. Я сомневаюсь, чтобы предложением обсуждения этого вопроса можно было бы водворить тот дух доброжелательности, о котором говорил почтенный представитель. Продолжение рассмотрения этого вопроса в конце концов определено ни к чему не приведет. Это лишь вызовет нежелательную реакцию в Хайдарабаде и враждебно настроит хайдарабадский народ против некоторых лиц, находящихся у власти.

Я полагаю, что Совет Безопасности, основной задачей которого является поддержание мира, поступит правильно и справедливо, если он воздержится от технических дискуссий и казуистики по вопросу о независимых государствах и вторжении в них, об Италии и Абиссинии, о больших и маленьких рыбах. Иногда, как это ни странно, маленькая рыба пытается проглотить большую рыбу. В таком случае, можно было бы обратиться к Совету Безопасности с просьбой о вмешательстве; бывали случаи, когда маленькие рыбы пытались проглотить большие рыбы.

Не будет ли самым мудрым решением для Совета Безопасности не рассматривать этот вопрос и дать возможность миру воцариться в моей стране, включая и Хайдарабад. Я могу показать вам тысячи телеграмм от выдающихся мусульман из доминиона Индии, от множества религиозных мусульманских общин, «*Джаматуль-улемас*», с выражениями благодарности правительству Индии за полное удаление той язвы, которая мешала установлению хороших отношений между индусами и мусульманами и портила сердечные отношения между этими двумя народами вследствие естественных подозрений относительно симпатий той или другой стороны по вопросу о Хайдарабаде.

Теперь созданы новые узы дружбы между индусами и мусульманами на всей территории Индии и Хайдарабада. Установлены новые сердечные отношения. Мы желаем жить в мире, в братстве, в дружбе. Хайдарабадский вопрос, который портил отношения и отравлял атмосферу, успешно разрешен. Неужели Совет Безопасности не пожелает, поэтому, принять участие в восстановлении внутреннего мира в моей стране и дружбы между всеми группами населения?

Учитывая теперешнее мировое положение, не думает ли Совет Безопасности, что этим он сможет укрепить всю Индию и помочь ей сделать хотя бы незначительный вклад в дело международного мира?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я не думаю, что мы сможем вынести решение по этому вопросу на этом заседании. Ввиду позднего времени я хотел бы предложить закончить настоящее заседание Совета Безопасности.

Однако мне сообщили, что пункт 3 повестки дня, касающийся участия Швейцарии в Международном Суде, является срочным вопросом и, вероятно, — будем надеяться — неоспоримым вопросом. Поэтому я хотел бы предложить, если Совет Безопасности согласится, прервать дискуссию и попытаться разрешить в течение нескольких минут пункт 3, по которому представитель Бельгии представил проект резолюции.

5. Условия, на которых государство, участвующее в настоящем Статуте, но не входящее в состав Организации Объединенных Наций, может участвовать в избрании членов Суда (S/947 и S/969).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Ставлю на обсуждение проект резолюции, содержащийся в документе S/969. Не знаю, желает ли представитель Бельгии прибавить что-либо к написанному в препроводительном письме, которое также было роздано.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (*говорит по-французски*): Мне нечего прибавить к тексту предложения [S/969], которое бельгийская делегация представила Совету Безопасности. Я хотел бы только объяснить в нескольких словах, почему этот вопрос является особенно срочным.

Согласно пункту 3 статьи 4 Статута Международного Суда, на который я ссылался в начале этого заседания, «Условия, на которых государство, участник настоящего Статута, но не входящее в состав Объединенных Наций, может участвовать в избрании членов Суда, определяются, при отсутствии особого соглашения, Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности».

Дело в том, что выборы в Международный Суд должны состояться на настоящей сессии. Кроме того, Швейцария, не состоящая членом Организации Объединенных Наций, стала участником Статута Международного Суда.

Совет Безопасности, поэтому, должен представлять Генеральной Ассамблее рекомендации относительно условий, на которых такие государства могут участвовать в избрании членов Суда. Швейцария, со своей стороны, должна будет в свое время выдвинуть своих кандидатов, и все это, конечно, потребует некоторого времени.

Более того, хотя Ассамблея и займется этим вопросом после того, как Совет Безопасности примет эту резолюцию, задержки процедурного характера, несомненно, также помешают Ассамблее вынести решение по этому вопросу в ближайшем будущем.

Текст бельгийского предложения был роздан членам Совета шесть недель тому назад. Я убежден, что члены Совета отдадут себе отчет в том, что дело касается меры технического характера, связанной лишь с применением Статута Международного Суда.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Ввиду соображений, приведенных представителем Бельгии, и ввиду создавшегося положения я предлагаю, чтобы проект резолюции, составленный представителем Бельгии, был поставлен на голосование и принят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Так как нет никаких возражений против положений резолюции, предложенной бельгийской делегацией, резолюция принимается единогласно.

Заседание закрывается в 6 ч. 45 м. вечера.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoria Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cía. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongabe Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundsonnar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramirez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Spółdzielna Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznańska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris Ve

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sts.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban